

тен қолы босап, түнгі аспанға қарап жатқан кейбір сәттерде оның ой-санасы, алдымен анау жұмбақ әлемнің тұңғығын шарлап кетеді (Ш. Айтматов). Шарықтап шар тараптан көңіл сорлы, таппаған бір тиянақ не өткен қуыс? (Абай).

Тұрақты тіркестерге шылау сөздерінің де тіркесіп келіп, бастауыш болуына себебін тигізеді. Мысалы: Ауыл адамдары *тайлы-таяғына дейін* осылай қарай жүгіріп келеді (Т.Дәуренбеков). *Қол ұстатар, шап сипар, қыз көрсетер, күйеу көрсетер сияқтылар* – ежелден келе жатқан қазақтың атақты ырымдары (М.Әуезов).

Тұрақты тіркесті бастауыштардың жасалуына сондай-ақ *кебі, көрі* көмекші есімдердің де қатысы болатын мына мысалдардан көрінеді: Әйтпесе, *жау жагадан алғанда, бөрі етекпен кебі* боп жүрер (Ә.Әлімжанов). *Сырдың суы сирағынан келмейдінің кері* көрініп тұр (Газ.). *Іш қазандай қайнайды, күресуге дәрмен жоқтың кері* келіп тұр (Қ.Аманов).

Де көмекші етістігі есімше тұлғасында тұрақты тіркестермен тіркесте бастауыш болады. Ондайда көбінесе сөйлемнің баяндауышы *осы, рас, бар, қиын* деген сияқты сөздер бо-

лады. Мысалы: *Өлмегенге өлі балық деген осы* (Қ.Аманов). *Қарай гөріңдер, жаман иттің атын бөрібасар қояды деген* рас екен-ау (Қазақ ертегілері). *«Тас түскен жеріне ауыр» деген* бар ғой. Демеймін менің қайғым саған батар (С.Торайғыров).

Қорыта айтқанда, тұрақты тіркестерден болған сөйлем мүшелерінің құрылымдық ерекшеліктеріне арнайы тоқталуымыздың басты себебі осы мәселенің түп төркіні проф. М.Балақаев пен проф. Т.Сайрамбаев тұрады. Қазақ тіліндегі түйдекті тіркестер мен олардың мағыналық, құрылымдық сипаты М.Балақаев арқылы зерттеуін тапса, тұрақты тіркестер сөйлем мүшелердің жасалуының бір жолы екендігін баса көрсеткен ғалым – Т.Сайрамбаев. Яғни жалпы қазақ тілінің синтаксисі ғылымының басында М.Балақаев тұрса, Т.Сайрамбаевтың қазіргі қазақ тілі синтаксисінің қалыптасуындағы еңбегі ерекше.

1. Сайрамбаев Т. Сөйлемнің түрлаулы мүшелері. Алматы, 1991.

2. Болатов Ж. Синтаксисінің кейбір мәселелері. // Қазақ тілі мен әдебиеті, 1959, N4.

3. С.Исаев. Қазіргі қазақ тіліндегі негізгі грамматикалық ұғымдар. Алматы, 1992.

Н. Д. Кошанова

ПОДЛЕЖАЩИЕ, ВЫРАЖЕННЫЕ УСТОЙЧИВЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В этой статье рассматриваются структурные особенности подлежащих, выраженных устойчивыми сочетаниями в современном казахском языке.

N. D. Koshanova

THE SUBJECTS EXPRESSED BY STABLE COMBINATIONS IN MODERN KAZAKH LANGUAGE

The article deals with the structural peculiarities of subjects expressed by stable combinations in the modern Kazakh Language.

В. И. Супрун,

*д.ф.н., профессор Волгоградского государственного
социально-педагогического университета*

Г. Б. Мадиева,

д.ф.н., профессор, КазНУ им. аль-Фараби

СЕМАНТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Вопрос о наличии или отсутствии значения у имён собственных – перманентный для ономастических исследований. Дискуссии по этому вопросу ведутся учёными с момента зарождения ономастики как науки (1973: 45-

112). В современной лингвистике существуют различные взгляды на вопрос о значении и семантике имени: от структурно-языкового содержания имени собственного, «редуцированного» или ослабленного значения имени

собственного, энциклопедического значения до полного отрицания значения у имени собственного (Мадиева, Супрун 2011: 145-146).

Для Е.С. Отина значение онима – реально существующий факт языковой действительности: «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных» (2004: 5). По его мнению, коннотонимы со вторично развившимися созначениями являются ономастической универсалией, присущей словарному составу большинства языков мира (там же). Составитель первого в славянской лексикографии словаря коннотативных онимов воплотил в жизнь идею Л.В. Щербы – «определить вторые “нарицательные” значения собственных имён» (1974: 279).

В недавно вышедшей в Болгарии ономастической энциклопедии имеется 7 статей об ономастической семантике, правда, сведённые в конце концов к двум исходным: *значение на оним, значение на име, ономастично значение, ономастична семантика, съдържание на име, значение на име, смисъл на име* (Балкански, Цанков 2010: 148-149). Определения, представленные в этой энциклопедии, в целом корреспондируют с пониманием лексического значения слова, определённым в ЛЭС: «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» (Гак 1990: 261). Введённые в обе дефиниции слова *сведения* и *содержание* можно рассматривать как синонимичные: *сведения* ‘факты, данные, характеризующие кого-л. или что-л.’, *содержание* ‘отображённая в нашем сознании совокупность существенных признаков предмета или ряда однородных предметов (в логике)’ (Ефремова/III: 204, 343). В указанной болгарской энциклопедии термины *референт* и *денотат* используются как синонимы: *денотат на име* ‘всякий объект или явление, которые имеют индивидуальное имя, носитель имени, объект номинации, референт собственного имени’ (Балканский, Цанков 2010: 97). Определение референта собственного имени отличается только отсылкой к денотату и дополнительным терминосочетанием *объект именования* (там же: 392). В книге имеются также

термины *ономастичен референт* (там же: 309), *обект на именуването, обект на номинация, назоваване* (там же: 286).

В русской лингвистической традиции под референтом понимается «объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, данный речевой поток; предмет референции» (Булыгина, Крылов, 1990б: 410-411). Под денотатом может рассматриваться как обозначаемый предмет, так и «множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу её языкового значения)» (Булыгина, Крылов, 1990а: 128-129).

Следует согласиться с мнением В.Г. Гака, что всякое слово в языке обладает лексическим значением (1990: 262). Ученый определяет, что имена собственные содержат элементы сигнификативной стороны значения, так как подводят единичный объект под некоторый класс объектов (1990: 262). При этом различаются языковые выражения с постоянной референцией (Луна, Земля, Солнце, Ходжа Насреддин), имеющие одноименный денотат, и единицы с переменной референцией, имеющие многоэлементные денотаты (Булыгина, Крылов 1990а: 129). Возможно, имеет смысл говорить об особом онимическом значении слова. Сравним, например, семантические структуры слов *Волга* и *река* (семы апеллятива определены по БТС: 1114 и Ефремова/III: 115, онима – по БЭС: 219 и РВВО: 84-88).

Волга	река
Река	Водный поток
Крупнейшая в Европе	Естественный
Широкая	Непрерывный
Раздольная	Значительный
Символ России	Со стоком с площадей бассейна
Матушка	Текущий в русле
Впадает в Каспийское море	От истока до устья

Бросается в глаза, что у апеллятива выявлены действительно семы – минимальные предельные единицы плана содержания (Новиков 1990: 437), тогда как у гидронима представлены «осколки» географической, когнитивной, лингвокультурной и пр. информации.

Семы апеллятива предельны, а у гидронима устойчива только денотативная связь, остальные параметры произвольны, зависят от индивидуального объёма знаний и чувствований носителя языка. Е.С. Отин определяет, что «типичным, узуальным для названия *Ташкент* в русской речи является его собственно топонимное значение ‘столица Узбекистана’» (2004: 8). Видимо, можно выделить также и более общее значение ‘город’, свойственное всем ойконимам, основанное на их первичной денотативной семе, ср. определение слова *столица* ‘главный город страны’ (БТС: 1272).

Чем известнее имя собственное, тем больше у него информационных и ассоциативных сем. Семантическую структуру гидронима *Волга* можно было расширить значительным числом других ассоциативных характеристик: *транспортная артерия, гидроэлектростанция и водохранилища, крупные города, Жигули, песни, Стенька Разин, издавека долго, колыбель моя* и мн. др. У названий незначительных рек такого семантического объёма нет, фактически присутствует только денотативная связь: *Гуселка* – река (РВВО: 111). Этот гидроним может существовать только в составе апеллятивно-онимического комплекса (Широков 2001: 3). Однако и в этом случае объём семантики приведенного гидронима может увеличиваться за счёт расширения сферы использования названного этим именем объекта, его узнаваемости, значимости для использующих это название и т.п.

Обязательность / факультативность функционирования онима в составе апеллятивно-онимического комплекса определяется отношением имени собственного к ядру или периферии онимического поля. Ядерные конституенты, к которым относятся антропонимы (Супрун 2000: 17), употребляются без апеллятивного сопровождения (*Иван, Иванов*), тогда как периферийные единицы проявляют свою семантику только в сочетании с дифференцирующим нарицательным именем: *конфета «Ромашка» – детский сад «Ромашка» – кафе «Ромашка» – ансамбль «Ромашка» – стихотворение «Ромашка»*. Антропонимы с терминами родства образуют неделимые единицы прагмаономастического характера: *дядя Коля, тётя Надя, бабушка Ира, дедушка Слава* и пр. (Супрун 2000: 20). Сравним в казахской культуре: *Роза ана, Арман ага, Айман тәте* и т.п. Н.Д. Арутюнова говорит о стрем-

лении к таксономической дифференциации онимов с помощью категориального существительного: *фабрика «Красная роза», кинотеатр «Художественный», улица Пречистенка* и пр. (1999: 35).

У разных типов онимов может быть различная семантическая структура. Так, для русского отчества главным является деривационное значение. С помощью суффиксов *-ович/-ич, -овна/-ична/-ична* выражается понятие ‘сын / дочь человека, носящего имя, от которого образовано отчество’. Дополнительно у русского отчества проявляются этнокультурные семы ‘в сочетании с именем является наиболее вежливой формой обращения к человеку’, ‘в деревенской и городской рабочей среде может использоваться самостоятельно как уважительное обращение’. В казахской лингвокультуре такими маркерами служат термины родства *ул* ‘сын’, *кыз* ‘дочь’, которые в совокупности с именем отца образуют отчество: *Баянжанулы* (в этом случае аффиксоид *-улы* выполняют функцию русского суффикса, показателя мужского рода *-ович/-ич*) и *Баянжанкызы* (аффиксоид *-кызы* используется в значении русского показателя женского рода *-овна*) (Мадиева 2010: 164).

Для фамилий деривационная семантика, лежащая в их основе, затемняется, на первый план выходит значение ‘наследственное семейное именование человека, прибавляемое к личному имени, переходящее обычно от отца к детям’ (БТС: 1415). Не все русские фамилии являются суффиксальными образованиями (*Арнаут, Мельник, Автух, Артюх, Андрус*), многие не имеют посессивных формантов (*Суперанский, Подольский, Успенский, Архангельский, Аржановский, Артельный, Атаманский*). Для фамилий важной является дифференцирующая сема ‘указывает на принадлежность человека к определённой семье’ (Подольская 1988: 140).

Исландское отчество в связи с отсутствием фамилий у этого народа в большей степени берёт на себя номинативно-идентификационную-дифференцирующую функцию, выделяя комбинацией имени и отчества отдельного человека и объединяя с помощью отчеств детей одного исландца: *Elin Olafsdottir, Ingóor Olafsson; Sveinbjörn Sveinbjörnsson; Björk Guðmundsdottir*. Исландское законодательство вообще запрещает иметь фамилию, делая исключение только для натурализованных

иностранцев и их потомков. Отсутствие фамилии наполняется при этом в социуме этнокультурным содержанием: 'типичный исландец, не иностранец'.

Подобная двухкомпонентная система *имя + отчество* существуют также и у других народов. У родовитых монголов до XX века антропонимическая формула состояла из трёх частей: родовое имя, отчество, личное имя, однако при социализме родовые имена были запрещены, остались только имена и отчества: *Жүгдэрдэмидийн Гүррагчаа* (сначала идёт отчество – имя отца в родительном падеже, затем личное имя). Русские женщины, выйдя замуж за монголов, брали в качестве фамилии имя или отчество мужа. С 2000 г. в Монголии вновь разрешены фамилии. Некоторые вернули прежние родовые имена, другие придумали фамилии по роду деятельности или на других основаниях: космонавт Гуррагча взял себе фамилию *Сансар* 'космос'. В Эфиопии семьи также не имеют постоянных фамилий. Ребенку даётся имя, после которого следует имя отца: у эфиопского стайера и марафонца Хайле Гебреселассие отца зовут Гебреселассие Бекеле; известный амхарский писатель Мэнгысту Лемма родился от Лемма Хайлу. Сложнее система именования у арабов, она включает отчество, дедичество и даже имена более далёких предков, которые могут считаться семейными именами: *Мухаммед Ахмед Амир Сулейман Шараф-Эль-Дин* < личное имя Мухаммед, отец Ахмед, дед Амир, прадед Сулейман, прапрадед Шараф-Эль-Дин.

Для понимания онимической семантики важно рассмотрение имён собственных как части речи. Среди имён собственных встречаются глагольные слова, словосочетания различного состава, структуры, равные предложению (см. многочисленные примеры – Матвеев 2006: 5). Трудно установить частеречную принадлежность онима в языках изолирующего и полисинтетического строя: в первых сложно отличить сложное слово от словосочетания (в китайском языке, например), для вторых характерно включение в состав глагола-сказуемого прямого дополнения и других членов предложения (Журиная 1990: 511), что сказывается на структуре и восприятии микропонимов и других имён собственных.

Однако даже такая специфика онимов не позволяет усомниться в субстантивности имени собственного. Только став именем существи-

тельным, оним выполняет все свои функции: номинативно-идентификационно-дифференцирующую, информационную и экспрессивную, познавательную и аккумулирующую (Подольская 1988: 145). Много ещё будет написано об онимической семантике. Эта проблема постоянно получает новые импульсы для размышления при обращении к ранее не исследованным или слабо изученным именам, к специфическим разрядам и типам онимов, к языкам разной типологии и генеалогии.

1. Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 165-168.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. 896 + XV с.

3. Балкански Т., Цанков К. Энциклопедия на българската ономастика: Към основите на българската ономастика / Великотърновски ун-т «Св. св. Кирил и Методий»; Център на българска ономастика «Проф. Николай Ковачов». Велико Търново: Фабер, 2010. 552 с.

4. БТС = Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

5. Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителей. Ч. I-II. М.: Издат. отдел Моск. Патриархата, 1993. 1172 с. (единая пагинация) (Репринт. Воспроизведение изд. 1913 г.).

6. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990а. С. 128-129.

7. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990б. С. 410-411.

8. БЭС = Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Больш. Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 2001. 1456 с.

9. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 261-263.

10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В трёх томах. М.: АСТ; Астрель, 2006.

11. Журиная М.А. Типологическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 511-512.

12. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

13. Мадиева Г.Б. Имя собственное в контексте познания. Алматы: Арыс, 2010. 240 с.

14. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теоретические основы ономастики: Учеб. пособие. Алматы: Арыс; Волгоград: Перемена, 2011. 280 с.

15. Матвеев А.К. Апология имени // Известия Урал. гос. ун-та (Екатеринбург). 2001, №21. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11. С. 86-92.

16. Матвеев А.К. Ономастика и ономотология // Вопросы ономастики (Екатеринбург). 2005, №2. С. 5-10.

17. Матвеев А.К. Ономотология. М.: Наука, 2006. 292 с.

18. Новиков Л.А. Сема // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энцикл., 1990. С. 437-438.

19. Отин Е.С. Русская ономастика в Русской энциклопедии. Иван. Иванов // Русская ономастика и ономастика России: словарь. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 7-11, 85-90, 91-92.

20. Отин Е.С. Материалы к Словарю коннотативных собственных имён (буква А) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. VI. Донецк, 2000. С. 108—151.

21. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. 412 с. 2-е изд. М.: А Темп, 2006. 440 с. (Сер. Филологические словари русского языка).

22. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с. 2-е изд., перераб. и доп. 1988. 192 с.

23. РВВО = Крюкова И.В., Супрун В.И. Реки и водоёмы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. 380 с.

24. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

25. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

26. Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с. (Сер. Антология мысли).

27. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.

28. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Супрун В.И., Мадиева Г. Б.

Жалқы есімдердің семантикасы: мәселелері мен шешу жолдары

Мақала жалқы есімнің семантикасын ашу мәселелеріне және онимдік лексиканың ерекшелігін сипаттаудағы әр түрлі көзқарастарға арналған.

Suprun V.I., Madieva G.B.

Semantics of proper names: problems and ways of solution

The article is devoted to the semantics problems of the proper names and various ways to the description of the specifics of onoma vocabulary.

П. Т. Медетбекова,

әл-Фараби атындағы ҚазҰУ доценті, ф.ғ.к., medet_73@mail.ru

МЕН/БЕН/ПЕН / ЖӘНЕ ЖАЛҒАУЛЫҚ ШЫЛАУЛАРЫНЫҢ КВАНТИТАТИВТІ ТАЛДАУЫ

Бүгінгі таңда тіл білімі ғылымының дәстүрлі **квантитативті** және **квалитативті** лингвистиканың дамуы жаңа ақпараттық технологияны қолдану мен лингвистиканы компьютермен меңгеруге зор ықпалын тигізеді. Бұл тұрғыда квантитативті талдаудың тілдік элементтер табиғатын тереңірек пайымдауға мүмкіндік беретінін атап өткен жөн.

Тіліміздегі *Мен/бен/пен*, және жалғаулық шылауларының қызметін қазақ тіл білімінің жалпы типологиялық ерекшелігі тұрғысынан квантитативті зерттеуі бойынша, сондай-ақ аталмыш жалғаулықтардың түрлі стиль мәтіндерінде қолданылу сипатына орай функционалды-семантикалық талдауын да қамтиды. Квантитативті талдау үшін осы жалғаулықтардың таңдалуы олардың әмбебапты ерекшеліктеріне бағытталған – кез келген тілдегі жиілік категориялардың бірі ретінде жалғаулықтар тілдердің жалпы типологиялық белгілерін танытуға қабілетті, түрлі стиль мәтіндерінде түрліше қолданылады, мәтінге авторлықты анықтауда сенімді белгі бола алады.

Квантитативті және *квалитативті* талдау тіл білімінде кеңінен тараған және оның тармақталуына негіз болған. Сондықтан да квантитативті өлшемдер тілдің жаратылысын, табиғатын бейнелеу арқылы оның ішкі механизмін терең тануға тигізер көмегі зор. Сөз жүйесін зерттеуде квантитативті және квалитативті тіл білімінің атқарар қызметі ерекше. Тілді зерттеудің *квантитативті* (*сандық*) және *квалитативті* (*сапалы*) талдаулары тіл білімі тарихында әр түрлі мезгілде және бір-біріне тәуелсіз дамып келді. Алайда бұл тәсілдер бір-біріне қарама-қайшы бола алмайды. Қазіргі таңда тіл білімінде квалитативті және квантитативті әдістерді синтездеу, тілдік өлшемдерді және сандық әдісті кеңінен қолдану – жинақталған мәлімет пен жиіліктің мазмұнын береді.

Квантитативті лингвистика тілдің лексика-семантикалық жүйесін, морфологиялық және синтаксистік құрылымы мен мәтіндердің стилистикалық ерекшеліктерін объективті түрде анықтайды.